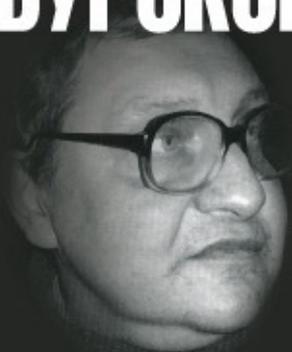

БОРИС МЕХУЕВ

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
КРИТИКА
ВАДИМА
ЦЫМБУРСКОГО**

 европа.

Борис Межуев

Политическая критика Вадима Цымбурского

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4387385

Политическая критика Вадима Цымбурского: Издательство «Европа»; Москва; 2012

ISBN 978-5-9739-0209-4

Аннотация

Книга рассматривает биографию В.Л.Цымбурского, его политические воззрения и вклад, который он внес в общественные науки. В ней подробно разбираются те стороны мировоззрения и идейной эволюции ученого, которые обычно встречают непонимание даже наиболее расположенных к нему коллег: его интерес к Шпенглеру, резкий переход от имперского либерализма к цивилизационному изоляционизму в 1993–1994 годах, противоречивое отношение к реалиям постсоветской России. Чтобы обозначить то, что Цымбурский – по образованию и основному своему профессиональному призванию филолог-античник – пытался осуществить в области общественных наук, автор выбирает термин "политическая критика". Этот термин подразумевает критику политической реальности с целью обнаружения в ней определенного идеологического содержания, которое могло бы являться основанием для политического решения, для выбора при его принятии одной из нескольких ценностных альтернатив.

Содержание

Вступление	4
От имперского либерализма к «русскому островитянству»	7
«Мальтийские демиурги» нового мирового порядка	11
«Восстановленный миропорядок» – по следам Киссинджера, Меттерниха и царя Хаттусилиса	15
Когнитивные аспекты советской реформации	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Борис Межуев

Политическая критика Вадима Цымбурского

Вступление

Замысел этой небольшой книги вырос из нашей общей с Вадимом Леонидовичем Цымбурским работы над сборником его статей «Конъюнктуры Земли и Времени». Сборник вышел в свет в 2011 году в издательстве «Европа». Он был собран из серии публикаций ученого с 1991 по 2008 год, которые могли бы более полно и в разных аспектах представить его деятельность в сфере «политической науки» и связанных с ней дисциплинах. Цымбурский просил меня подготовить для этой книги специальное послесловие, которое явилось бы расширенной версией моей понравившейся ему статьи 2006 года «Остров Россия: время и место одной историософской концепции». Однако по мере подготовки этого текста я понял, что невозможно лишь немного увеличить объем, требуется осветить множество самых разных подробностей жизни и творчества философа. Чтобы их раскрыть, формата статьи недостаточно, требуется написание небольшой монографии. Мне хотелось объяснить читателю, да и самому себе, различные стороны концепции «Острова Россия», традиционно встречающие непонимание среди даже наиболее расположенных к ее приятию коллег, в частности, симпатии Цымбурского к Шпенглеру, его резкий переход от имперского либерализма к цивилизационному изоляционизму в 1993–1994 годах, его противоречивое отношение к реалиям постсоветской России.

Я предпринял попытку описать всю нефилологическую работу Цымбурского каким-то одним термином, который схватывал бы одновременно ее общую миссию и определенные конкретным временем творческие задачи. И в конце концов, чтобы обозначить то, что пытался осуществить Цымбурский – по образованию и своему основному профессиональному призванию филолог-античник, – в области общественных наук, выбрал термин «политическая критика». Под этим термином я понимаю не столько критику режима, анализ тех или иных действий власти, сколько критику политической реальности с целью обнаружения в этой реальности определенного идеологического содержания, которое могло бы являться основанием для политического решения, для выбора при его принятии одной из нескольких ценностных альтернатив. Реальность всякий раз навязывает нам представление о собственной безальтернативности, понуждает описывать себя в качестве идеологически нейтрального продукта конкретных обстоятельств, «данностей», как предпочитал говорить Цымбурский, и задача политического критика состоит в том, чтобы деконструировать, «расшить» эту реальность, отыскать в ней то, что относится к сознательной проектной деятельности людей с собственной программой, своими ценностными предпочтениями, групповыми и корпоративными интересами.

Вадим Леонидович Цымбурский родился и прожил половину своей жизни в мире, где не просто господствовала одна идеология, но был предельно идеологизированный взгляд на реальность, и он попытался принять участие в процессе интеллектуального реформирования советского общества. Цымбурский ясно сознавал свою функцию свободного интеллектуала в этом великом и подлинно амбициозном проекте – либерализации коммунистической идеократии. Однако гибель этого проекта, распад империи, задача предотвращения которого и стала главным мотивом выхода Цымбурского в пространство журнальной публицистики 1989–1990 годов, вызвали к жизни мир, в котором роль интеллектуала оказалась сниженной

до минимума. И он бросил вызов этой явно чуждой ему реальности, попытавшись обнаружить исторический и во многом сверхисторический смысл новой России. Одновременно он не устал искать каналы новой экспансии «ценностей» в материально и духовно опустошенную страну.

Цымбурский получил известность в области политической публицистики прежде всего как автор геополитической модели «Острова Россия». Согласно этой теории Россия представлялась огромным пространством, окруженным с севера и востока просторами двух океанов, а с запада и юга сухопутными территориями-проливами, отделяющими ее от иных материковых плит – пространств цивилизаций. Интересно, что сам Цымбурский – и по рождению, и отчасти по происхождению (большая доля польской крови) – плоть от плоти тех самых межцивилизационных земель. Он родился 17 февраля 1957 года во Львове¹. В этот город его дедушка, Тимофей Ефимович Цымбурский, был направлен на службу заместителем начальника Военно-строительного управления Прикарпатского военного округа после окончания войны в Германии. В августе 1945 года семья Цымбурских из эвакуации из Саранска переехала к отцу во Львов. Мать Вадима Леонидовича в 1957 году училась в аспирантуре на кафедре теоретической физики Львовского госуниверситета, отец окончил нефтяной факультет Львовского политехнического института. По словам Адель Тимофеевны, совместная жизнь родителей «сразу не сложилась, поэтому единственным мужчиной, воспитывавшим Вадима, был дедушка, который его очень любил и баловал»². Дедушка умер в 1962 году.

В 1959 году, во время «оздоровительной» поездки в Евпаторию, Вадим заболел астмой – на всю жизнь. Из-за неподходящего климата Вадим с матерью из Львова переехали в Коммунарск (Алчевск) Ворошиловградской (Луганской) области, где он пошел в первый класс. Мать с 1962 года работала старшим преподавателем кафедры физики в Горно-металлургическом институте. После окончания четвертого класса из-за обострения астмы Вадиму пришлось уехать в Гомель к бабушке, где он проучился в пятом и шестом классах. Учеба давалась Вадиму легко, он много читал и даже сочинял «фантастические произведения». Каждое лето они с матерью ездили в горы, в Тиберду, чтобы «утихомирить» астму.

В 1971 году мать прошла по конкурсу на должность старшего преподавателя кафедры физики Могилевского машиностроительного института. С седьмого класса и до окончания школы Вадим учился в Могилеве – один год в обычной школе, затем, в связи с болезнью, – заочно. К девятому классу состояние его здоровья немного улучшилось, он смог снова вернуться в обычную школу и окончить ее экстерном в 1975 году. В Белоруссии Цымбурский много общался с поэтами, встречался с белорусским поэтом Алексеем Пысиным, писал неплохие стихи. Впоследствии Могилев и Белоруссию он будет считать своей малой родиной, а в графе «национальность» писать «белорус».

Поработав полгода (с февраля по август 1976 года) киномехаником в городской фильмотеке, в 1976 году Вадим Леонидович поступил на филологический факультет МГУ на отделение русского языка, через полгода перевелся на факультет классической филологии, который окончил в 1981 году.

Дальнейший послужной список внешне выглядит более чем скромно. По окончании аспирантуры с 1986 по 1990 год Цымбурский работал научным сотрудником в Институте США и Канады. В 1988 году защитил диссертацию по гомерологии. С 1990 по 1995 год работал научным сотрудником в Институте востоковедения АН СССР. С 1995 года – старший научный сотрудник Института философии РАН. Докторскую диссертацию на степень

¹ Сведения о жизни Вадима Цымбурского мне предоставила его мама, Адель Тимофеевна, за что я хотел бы выразить ей большую признательность.

² Отец Вадима Цымбурского скончался в Москве в 2001 году в возрасте 71 года. Сам Вадим Леонидович, повзрослев, с отцом никогда не встречался. По словам Адель Тимофеевны, отец Вадима был образованным человеком, с 28 лет читал на иностранных языках, английском и немецком, а впоследствии стал изучать арабский.

доктора философских наук подготовить и защитить он так и не успел. Однако за скромным перечнем должностей, которых в жизни Цымбурского было совсем немного, стоит серьезная идейно-политическая эволюция, с переломными пунктами, волнами надежд и разочарований, а главное – упорной и трудной борьбой со своей эпохой за право не стыдиться быть россиянином и интеллектуалом.

От имперского либерализма к «русскому островитянству»

Известность к Цымбурскому как политическому писателю пришла только на четвертый год его творчества в области публицистики, в октябре 1993-го, когда в московском политологическом журнале «Полис» была опубликована его статья «Остров Россия. Перспективы российской геополитики». Впоследствии о Цымбурском говорили если не как о разностороннем филологе-классике и, в редких случаях, культурологе (было такое модное слово в 1990-х), то в первую очередь как о геополитике. Но и это определение было крайне односторонним. Мотивации геополитических размышлений Вадима Цымбурского лежали в сфере историософии и философии культуры. Так, его геополитическая реконструкция имперских стратегий России была основана на предположении, что политика империи производна от цивилизационного выбора, который Россия совершила в XVIII веке и который ныне переживает кризис. Россия не смогла стать органической частью Европы и очевидным образом отторгается последней. Как бы осознав неорганичность своего имперства, Россия сама сбросила с себя груз контроля над «лимитрофными территориями», сжавшись до границ Московского государства XVII века. Распад империи был обусловлен именно глубинным изоляционистским устремлением, которое не осознали ни либералы-вестернизаторы, воспользовавшиеся политической конъюнктурой, ни воспротивившиеся ей реставраторы-имперцы.

Спорный тезис Цымбурского об имперстве как продукте русского европеизма удивлял и настораживал очень многих читателей. Отказ России от империи ученый объяснял ее же отречением от Европы, совершенным в глубинах политического подсознательного. В момент появления этой концепции, на исходе популярности либерализма в России, общественное сознание было явно не готово согласиться с подобным выводом. Многие были готовы отвернуться от империи, некоторые – и от Европы, но практически никто – и от империи, и от Европы одновременно. Провозгласив себя выразителем подлинных чувств и устремлений российской цивилизации, Цымбурский парадоксальным образом очутился в некотором интеллектуальном одиночестве. Изоляционизм по-прежнему был ругательным словом, «западники» продолжали тосковать по Европе, «евразийцы» – по империи.

«Остров Россия» удивлял некоторых читателей не только потому, что внешне расходился с настроениями и чаяниями тех из них, кто в то время уже интересовался геополитикой, но и в немалой степени потому, что противоречил сложившемуся в сознании образованной публики представлению о Цымбурском как о последовательном стороннике того, что на нынешнем политическом лексиконе можно было бы назвать «либеральной империей». По статьям 1990–1993 годов в журнале «Век XX и мир», а затем и в «Полисе» Цымбурский виделся им утонченным западником, сторонником единой империи атлантистского Севера, куда на правах одной из основополагающих частей мог бы интегрироваться либерализирующийся горбачевский СССР. Нерв всех основных политологических публикаций Цымбурского вплоть до «Острова Россия» состоял именно в утверждении атлантистского выбора СССР, четко заявленного горбачевским руководством в момент войны в Персидском заливе.

Согласно этому либерально-имперскому видению прибалтийские сепаратисты и ельцинские суверенизаторы, подрывавшие целостность одного из гегемонов «нового мирового порядка», представляли революционный по отношению ко всему ялтинскому миропорядку феномен, в этом смысле аналогичный незаконно оккупировавшему Кувейт Саддаму Хусейну. По Цымбурскому, разъедавший Советский Союз «бес независимости» был проявлением того же восстания «внешнего пролетариата» мировой системы против ее импер-

ских гегемонов, как и революция Хомейни в Иране или действия маоистских партизан в Перу. Стремясь защитить свою империю от внутренних врагов, Цымбурский не скупился на жесткие слова в адрес всевозможных сторонников «мировой революции»: «В прошлом веке культурный и имущий слой (“демос”) оказался достаточно силен, чтобы отбить натиск внутреннего пролетариата – победа, за которую Запад должен вечно благословлять Кавеньяков и Галиффе. Теперь разрушительные волны, готовые ринуться на Европу с юга и востока, черпают импульс не в единой, ведающей свою цель злой воле, а в хаосе нелегитимных вождельний». И, наконец: «Сможет ли Запад так же бороться с “внешним” пролетариатом, как он боролся с внутренним – отбивая и подавляя, сдерживая и разделяя, соблазняя и интегрируя?»³ Едва ли кто-то из нынешних сторонников «либеральной империи» рискнет воспроизвести эти слова, они смутят и выдавших виды апологетов западной цивилизации. Приветствуя действия США в Персидском заливе, Цымбурский не стеснялся противопоставлять «бесу независимости» холодный и жестокий в его имперском самоопределении Запад – Запад, сознающий свое иерархическое превосходство над отсталыми странами мировой периферии и чувствующий необходимость силой утверждать свой авторитет, который один только и может являться источником закона в хаосе международных отношений.

Допускаю, что подобная имперская увлеченность хорошо соотносилась в сознании ученого с его профессиональными занятиями в области изучения гомеровского эпоса и языков Восточного Средиземноморья. Помню, когда я в марте 1991 года впервые прочитал в журнале «Век XX и мир» «Бес независимости», меня поразило, насколько либерально-имперская позиция автора должна быть, по идее, близка мироощущению нашего либерального культурологического истеблишмента, нашим историкам римской античности и эпохи Возрождения. Оттуда, с кафедр классической филологии и истории мировой культуры, могла бы идти наша новая посткоммунистическая имперская идея. Чутьем историка Цымбурский ощутил, что последние годы горбачевской эпохи есть триумф и апогей нашего либерального западничества, которое на бескрайних евразийских просторах только и мыслимо в своей жесткой имперской форме. Да и для специалиста по Гомеру сплочение почти всех народов Земли против нарушившего закон Саддама, пожалуй, не могло не напоминать объединение ахейских племен под властью Агамемнона (другое дело, что эта аналогия могла вызывать у знатока той эпохи, как будет показано впоследствии, противоречивые эмоции)⁴.

Очень важно учесть, что впоследствии Цымбурский ни в коей мере не будет раскаиваться в западнических имперских мотивах публицистики тех лет, он подвергнет коррекции исключительно свое прежнее оптимистическое представление о спасительной роли рынка в деле интеграции рассыпающегося Союза⁵. Между тем он почитает, что надежды на своего рода атлантистско-континентальный пакт между гегемонами ялтинского мира вполне адекватно выражали смысл того безвозвратно ушедшего в прошлое момента истории. Момента знаменательного, но неповторимого.

Однако коллеги по филологическому цеху, все эти поклонники Римской империи и средневекового Запада, религиозные мыслители, почитатели Владимира Соловьева и Георгия Федотова, рассуждали тогда совершенно иначе. Никто из них не возвысил свой голос в

³ Цымбурский В. Л. Бес независимости // Век XX и мир. – 1991. – № 3.

⁴ В совместной с Денисом Драгунским статье «Генотип европейской цивилизации» Цымбурский проводил явную параллель между политическим могуществом Евро-Атлантики в начале 1990-х и «главенством Микенской Греции, основанным не на доминировании и подчинении, а на авторитете и первенстве». Как подчеркивали авторы, именно в ахейской Греции «блеснула первая грань будущего европейского кристалла». См.: Драгунский Д. В., Цымбурский В. Л. Генотип европейской цивилизации // Полис. – 1991. – № 1.

⁵ Из автобиографии Цымбурского, составленной в 1994 году для сборника «Иное»: «Страшно стыдно, ибо тогда я не видел элементарной вещи: чтобы рынок участвовал в строительстве государства, он сам должен быть замкнут границами этого государства, а выплескиваясь вовне, быть подчинен принципу – “в дом, а не из дома”». См.: http://old.russ.ru/antolog/inoe/cymbur_o.htm.

защиту распадающейся империи. Напротив, они поспешили проводить ее в последний путь словами проклятий или равнодушного сожаления.

Впрочем, в целом проигнорированная коммунистическим руководством имперско-либеральная идея находила в то время других защитников. Значительная часть авторов «Века XX и мира» стояла тогда примерно на тех же позициях. В марте 1991 года, когда в «Веке XX» вышел в свет «Бес независимости», «Независимая газета» опубликовала манифест Игоря Ермолаева и Евгения Михайлова под названием «Имперский либерализм. Настоящий путь спасения России». В статье говорилось, что во имя проведения либеральных преобразований россияне «ни в коем случае не должны отказываться от своего интернационального предназначения, но, наоборот, принять бремя имперской нации и стать посредником мира и свободы между народами»⁶.

Авторы статьи, в то время никому не известные студенты исторического факультета МГУ, высказывали свою личную точку зрения, однако выдвинутый ими лозунг «имперского либерализма» попал на короткий момент в резонанс со временем обострения борьбы между горбачевским Центром и ельцинской «суверенной» Россией. Поэтому статья была не просто напечатана в популярнейшей демократической газете тех лет, но еще и удостоена редакционного комментария, в котором высказывалось предположение, что создатели текста выражают в нем некую секретную идеологию власти. Увы, это было не так. Как признается сегодня Евгений Михайлов, «...статью заметили, но события шли своим чередом. Не было ни дискуссии, ни каких-то новых связей. Что и неудивительно, мейнстрим определяла борьба демократов с коммунистами».

Фактически то же можно сказать и об «имперском либерализме» в исполнении Вадима Цымбурского и его тогдашних соавторов – Дениса Драгунского и Гасана Гусейнова. Их наработками лишь спустя десятилетие смог воспользоваться либеральный истеблишмент, в частности Анатолий Чубайс с его лозунгом «либеральной империи» 2003 года. В его статье «Миссия России в XXI веке» появились к тому времени основательно позабытые либералами слова о «демократическом кольце стран Севера», призванном сковать хаотизирующийся мир союзом Японии, России, Европы и США⁷. Любопытно, что сам проект кольца «Демократического Севера» был извлечен из процитированной выше статьи Цымбурского «Генотип европейской цивилизации», написанной им в соавторстве с Денисом Драгунским. И все-таки тогда, в 1991 году, в защиту всех этих имперских построений рисковали выступать лишь аутсайдеры либеральной публицистики⁸, западнический истеблишмент отшатнулся от империи, в конце концов выбрав сторону «суверенной» России, а не горбачевского Центра.

Возникает закономерный вопрос: не может ли быть, что Цымбурский со своей либерально-имперской проповедью в 1990–1991 годах несколько опередил время, не рассчитав, что все сказанное им не может относиться к гибнущей коммунистической идеократии, что необходим переходный этап между падением коммунизма и созданием на его обломках

⁶ Ермолаев И., Михайлов Е. Имперский либерализм. Настоящий путь спасения России // Независимая газета. – 5 марта 1991 года. Евгений Михайлов впоследствии стал депутатом Государственной думы от фракции ЛДПР, а затем – псковским губернатором. Его соавтор – псковский историк Игорь Ермолаев, автор книг о П. В. Долгоруком и В. В. Берви-Флеровском.

⁷ Чубайс А. Б. Миссия России в XXI веке // Независимая газета. – 1 октября 2003 года.

⁸ «Было, было у нас в 1990 году, – вспоминал впоследствии Денис Драгунский, – смутное предчувствие неизбежного безобразия, и мы пытались его выразить в слове. Смешно было бы предполагать, что нас послушают или хотя бы прислушаются. Близкие люди обзывали нас Алкснисами и другими обидными именами и названиями. Жизнь здорово раскидала нашу антисоветско-проимперскую троицу. Гусейнов стал немецким исследователем русского политического просторечия. Цымбурский пишет про геополитическую платформу, пронзенную сакральной вертикалью власти. А я, кажется, понял, что меня так бесило в наших противниках империи. Раздражала их уверенность в собственном всемогуществе. Как будто бы без демократов СССР по сию пору стоял бы оплотом вселенского зла. Развалился бы, как миленький». См.: Новое время. – 2001. – № 50.

новой посткоммунистической империи, живущей в дружном согласии с США и Западной Европой? Возможно, в трагических событиях 1991 года проявилась та самая гегелевская «хитрость разума», которая выводит историю руками не подозревающих о конечных целях людей к нужному и правильному финалу? Нельзя ли исключить, что Цымбурский слишком поспешно в 1993 году решил отказаться от либерально-имперской парадигмы, чтобы перейти к новым взглядам, впервые заявленным в «Острове Россия»?

Чтобы ответить на этот вопрос, следует более обстоятельно рассмотреть взгляды Вадима Цымбурского в этот «либерально-имперский» период. Полагаю, что имперские политические установки мыслителя начала 1990-х и дали толчок всему последующему творчеству ученого в области политической науки, определив характер всех его геополитических и в целом политологических исследований. Более того, с моей точки зрения, и перейдя от либерального имперства к концепции «Острова Россия», Цымбурский далеко не полностью пересмотрел свое политическое кредо начала 1990-х. На новом – шпенглеровском – этапе он вернулся к некоторым прежним разработкам (в первую очередь в области «суверенитета» и поэтики политики), уже незадолго до своей кончины, как раз к моменту составления второго крупного сборника своих политологических трудов. Понять концептуальный замысел ученого можно, только представив его в качестве масштабного гуманитарного проекта, ориентированного не только на расширение наших знаний о России, но в первую очередь на реформирование ее цивилизационного уклада. Данное реформирование мыслилось им в разные периоды времени его жизни неодинаково, но собственное политическое творчество Цымбурского – то, что я решил назвать его «политической критикой», критикой политического опыта, – всякий раз вписывалось им именно в этот амбициозный план. Условия реализации этого проекта менялись, часто с катастрофической быстротой, но его теоретическое содержание, как я попытаюсь показать в данной работе, по существу оставалось неизменным.

«Мальтийские демиурги» нового мирового порядка

Короткий период «второй разрядки» между СССР и США, отмеченный визитом Рейгана в Москву в мае 1988 года, выводом войск из Афганистана в январе 1989-го, крахом Берлинской стены в ноябре того же года, тесным взаимодействием Горбачева и Буша в период подготовки войны в Заливе и, наконец, как кульминация, объявлением президентом Соединенных Штатов «нового мирового порядка» в речи 11 сентября 1990 года, до сих пор не получил в историографии холодной войны и международных отношений в целом какого-либо серьезного осмысления. Между тем это был период, когда мир и вправду обрел шанс быть «глобальным», когда эта «глобальность» утверждалась не только экспансией доллара и транснациональной экономики, но и некоторой, казалось бы общепризнанной, системой правил и норм. Еще более удивительно, что этот короткий период времени, получивший в американской публицистике точное обозначение как «момент однополярности», почти и не имел собственных последовательных идеологов – ни с советской, ни с американской, ни с европейской стороны. «Новое мышление» Горбачева и «новый мировой порядок» Буша-старшего – эти две однотипные формулы так и остались недораскрытыми для политического класса сверхдержав. Да и сами «мальтийские демиурги» этих формул не выразили явного устремления отстаивать их до конца, не обращая внимания на пассивное или активное сопротивление создаемому ими миропорядку со стороны не только внешних супостатов типа Саддама Хусейна, но и собственных граждан.

В своей знаменитой речи перед конгрессом 11 сентября 1990 года «Навстречу новому мировому порядку» Джордж Буш выступал от имени всего цивилизованного человечества, объединившегося для того, чтобы дать отпор Саддаму Хусейну, который только что, в августе, осуществил военное вторжение в Кувейт. Особое воодушевление вызвало у президента Соединенных Штатов осуждение вторжения Ирака лидером Советского Союза Горбачевым, что наряду с поддержкой антисаддамовской коалиции руководителями большей части арабских стран создавало надежду на возникновение сознающего свое единство мира. Мира, у которого, разумеется, обнаруживался и один всеми признанный лидер – Соединенные Штаты.

«Новое партнерство наций началось, – говорил Буш, – и мы присутствуем сегодня в уникальный и экстраординарный момент. Кризис в Персидском заливе предлагает нам редкую возможность двигаться навстречу историческому периоду кооперации». На глазах возникает новый мир – мир, в котором «право закона вытеснит право сильного, <...> мир, в котором сильный признает права слабого».

Иными словами, согласно Бушу, которого в этом отношении полностью и безоговорочно поддержал Горбачев, советско-американское примирение впервые создало ситуацию, при которой все положения Устава ООН переставали быть чистой фикцией. Ранее каждая из сверхдержав сквозь пальцы смотрела на проделки своих «сукиных сынов»: СССР поддерживал захват Сайгона в 1975 году и вторжение вьетнамцев в Кампучию в 1979-м, а США долгое время укрепляли военный потенциал Израиля, незаконно оккупировавшего палестинские территории. Американцы и сами осуществили несколько военных вторжений на территории, куда предположительно могли сунуться коммунисты – в Гватемалу, Вьетнам, на Гренаду. СССР проделал ровно то же самое в отношении Афганистана. В общем, ни о каком едином стандарте дипломатических отношений говорить не приходилось. Но теперь, утверждали Буш и его советский визави, все решительно меняется и отныне агрессию одной страны против другой «единый мир» уже не потерпит.

Ничего особо зловещего идея «нового мирового порядка» в себе не содержала. Тем не менее и среди левых антиимпериалистов, и среди правых республиканцев термин «новый мировой порядок» (несмотря на его присутствие на самом распространенном американском документе – долларе) вызывал множество ненужных – социалистических и империалистических в одно и то же время – ассоциаций. Тем более, как подчеркивал в своих мемуарах помощник Буша по национальной безопасности и его ближайший друг генерал Brent Скоукрофт, фраза «новый мировой порядок» «не раз использовалась для обозначения целого ряда ситуаций, далеких от того, с чего все начиналось. Мы, разумеется, не строили иллюзий относительно того, что мы вступаем в полосу мира и спокойствия. Эта фраза в нашем представлении была применима только к узкому спектру конфликтов – межгосударственной агрессии»⁹. Скоукрофт бросает еще одно очень важное замечание: «Этот термин с тех пор был многократно расширен, главным образом в целях его дискредитации».

Итак, «новый мировой порядок» в версии Буша-старшего теоретически не был жестким ущемлением национального суверенитета во имя некоего мирового правительства. Старший Буш не утверждал как концептуальную догму необходимость вмешательства во внутренние дела государств. Он говорил лишь о недопустимости вооруженной агрессии одного государства против другого и о готовности Америки вместе со всем «цивилизованным миром» прийти на помощь жертве против насильника. И нельзя сказать, что данная концепция являлась исключительно пропагандой. Мир с некоторым напряжением мог быть выстроен на основаниях Буша – Скоукрофта. Это был бы далеко не идеальный мир: это был бы мир, в котором нельзя ответить жестким ударом на провокации и оскорбления, в котором экономическая слабость страны не могла быть компенсирована военно-силовой мобилизацией. Это был бы мир, в котором связь между экономической отсталостью и политической зависимостью надолго, если не навсегда оставалась бы нерушимой. В общем, это был бы спокойный и предсказуемый, но вместе с тем душноватый, трудный для политического существования миропорядок.

Но тем не менее, этот мир имел и свои преимущества. В конце концов, человек рожден не только для войны, но и для познания, творчества, открытия новых человеческих возможностей. Сверхдержавы могли бы объединить свои усилия в целях продвижения фундаментальной науки, освоения космоса, открытия новых рецептов долголетия, да мало ли для чего еще. Однако не сложилось. «Новый мировой порядок» как политическая утопия закончился, пожалуй, даже раньше, чем ушел в отставку ее творец.

Почти банальным в определенных кругах стало утверждение, что новый мировой порядок рухнул вслед за распадом СССР. Рухнул по той причине, что груз ответственности за мир не мог быть возложен лишь на плечи одной сверхдержавы. Об этом больше и чаще других говорит теперь бывший президент СССР Михаил Горбачев.

В какой-то степени так оно и есть. И, между тем, ссылка на слом одной из двух колонн глобального мира еще мало что объясняет. В конце концов, распад СССР, даже если он и произошел, на чем настаивает Горбачев, только по внутренним причинам, мог быть быстро компенсирован укреплением независимой России или же Китая. В общем, система могла работать. Не сработала она прежде всего потому, что эту систему, то есть спокойный и предсказуемый «новый мировой порядок», на самом деле мало хотел, мало кто был готов под ней подписаться. Причем не только в мире, но и в самой Америке.

Сразу после речи Буша 11 сентября против «нового мирового порядка» очень быстро возникла своего рода негласная коалиция недовольных. Ее составляли очень разные силы, и в будущем ее представители, пожалуй, уже никогда не отыскали бы возможность найти

⁹ Здесь и далее цит. по: Буш Дж., Скоукрофт Б. Мир стал другим. – М., 2004.

общий язык. Но в противодействии новому мировому порядку (НМП) их интересы неожиданным образом совпали.

Во-первых, жесткое недовольство НМП выражали американские изоляционисты. Они совершенно не хотели видеть свою страну в роли «глобального полицейского», помогающего решать все конфликты на всем земном шаре, они даже резко выступили против войны в Заливе, испугавшись, что эта военная операция станет прецедентом полицейского вмешательства такого рода. От Америки теперь начнут требовать всякий и всякий раз влезать в любой конфликт в любой точке земного шара. Опасения изоляционистов, кстати, немедленно подтвердились в связи с конфликтом в бывшей Югославии.

Во-вторых, крайне неодобительно к проекту «нового мирового порядка» отнеслись левые. Мир Буша – Скоукрофта не мог не показаться им слишком статичным, слишком равнодушным к прогрессивным социальным изменениям. Ранее конкуренция сверхдержав создавала предпосылки для прогрессивных изменений в мире, теперь же каждый из реакционных правителей мог сознавать, что впредь никто не будет давить на них с целью внутреннего совершенствования: СССР более не существует, а США теперь занимаются только пресечением межгосударственных агрессий. Понимая, чем может обернуться для левого движения этот чересчур стабильный мир, левые (и прежде всего левые европейские) и начали с 1991 года тихонько шантажировать США, требуя от их руководителей вмешательства в конфликт в Югославии. Мол, вы только тогда народы разнимаете, когда дело касается нефти и Ближнего Востока, а вот как только нефтью не пахнет, вам, оказывается, плевать на страдания этнических меньшинств. В конце концов США пришлось адаптировать свою доктрину «нового мирового порядка» к межэтническим разборкам внутри суверенных государств, что, как осторожно намекнул Скоукрофт, и привело к расширению сферы этого порядка и его последующей дискредитации.

В-третьих, явное недовольство «новым мировым порядком» начал высказывать и Израиль. Эту страну менее всех остальных воодушевило сближение США с СССР и арабскими автократорами во время войны в Заливе. Ей пришлось оплатить этот альянс согласием на мирный переговорный процесс с палестинцами, начало которому было положено в октябре 1991 года в ходе Мадридской конференции по Ближнему Востоку. Это во время холодной войны Израиль мог показаться бастионом свободного мира в окружении просоветских арабских диктатур типа Египта и Сирии. А в «новом мировом порядке» эта страна выглядела уже иначе: агрессором, вопреки решению ООН удерживающим с 1967 года незаконно захваченные территории. Именно поэтому администрация Буша-старшего находилась с Израилем в самых прохладных отношениях, а госсекретарю Джеймсу Бейкеру приписывали даже довольно резкие и совершенно неполиткорректные высказывания против «израильского лобби» в США.

В-четвертых, разумеется, столь же недоволен «новым мировым» был и мир ислама. Ему также пришлось платить за вмешательство в свои разборки «мирового полицейского» довольно большую цену: с 1991 года на территории Саудовской Аравии, недалеко от священных для всех мусульман мест, расположились американские войска, и они неусыпно следили за порядком в этом столь значимом для мировой стабильности нефтеносном регионе. Именно с того самого времени и по этой причине таинственный Бен Ладен переходит из разряда союзников Соединенных Штатов в стан его врагов. Так что два 11 сентября – 1990 и 2001 года – связаны между собой не только по видимости, но и по существу.

Наконец, в-пятых (и остановимся на этом числе, хотя список наших «заговорщиков» можно было бы пополнить), к оппозиции «новому мировому порядку» примкнули и американские «ястребы». Их вождь Ричард Чейни, при Буше-старшем занимавший должность министра обороны, сразу после победы в Заливе и распада Советского Союза заказал своим помощникам, Полу Вулфовицу и Льюису Либби, подготовить альтернативную доктрину,

более адекватную ситуации неожиданно возникшего после краха коммунизма стратегического доминирования США над всем миром. Бумага была составлена, и скоро с помощью «Нью-Йорк таймс» о ней узнал весь мир. Америке в ней было рекомендовано препятствовать появлению любой альтернативной военной силы для того, чтобы ситуация «однополярного мира» продолжалась в истории бесконечно. Тогда Скоукрофту и Бейкеру хватило политического влияния, чтобы дезавуировать инициативу Чейни, однако спустя десять лет история повторилась с несколько иным результатом для наших героев и для всего человечества.

Вадим Цымбурский придавал огромное значение тому обстоятельству, что существование Советского Союза в последние два года, прошедшие после формального окончания холодной войны, обозначенного встречей Горбачева с Джорджем Бушем-старшим на Мальте в декабре 1989-го, поддерживалось почти исключительно внешним признанием. Теряя реальную власть в собственной империи, Горбачев пытался сохранить СССР, опираясь исключительно на поддержку Запада. Неизбежной ценой за такую поддержку должно было стать отречение коммунистической империи от своего антиимпериалистического прошлого, от прежней ставки на «суверенитет» освобождающихся от колониального прошлого народов третьего мира, изгнание «беса независимости». Однако полностью изгнать его не удалось, запущенный идеологами коммунистического антиимпериализма вирус «глобальной суверенизации» проник в тело самого Союза и в течение двух-трех лет уничтожил его, а вместе с ним и весь проект нового мирового порядка. В начале 1990-х Цымбурский еще не замечал, что тот же вирус проник в тело самого Запада до такой степени, что его губительные последствия не оценили даже те политики, кто тактически был вынужден делать ставку не на уничтожение партнера США по «мальтийскому проекту», но на его сохранение, хотя и в ослабленном состоянии.

Варваризация и трайбализация мировой системы после распада СССР увеличивались с неуклонностью энтропии – здание миропорядка было подточено и разъедено изнутри, но этого, увы, не сознавали люди, силою случая оказавшиеся на вершине глобальной власти. Чтобы оценить степень исторической неадекватности тогдашних вершителей судеб, полезно полистать совместную книгу президента Джорджа Буша-старшего и его помощника по национальной безопасности Брента Скоукрофта, вышедшую на русском языке под заглавием «Мир стал другим». Читатель не обнаружит в ней ни следа, ни малейшего признака сознания или предчувствия катастрофы. Он не найдет на ее страницах ни коварных планов по уничтожению «империи зла», ни более или менее ясного представления о посткоммунистическом будущем. Зато он увидит случайные, в целом растерянные реакции слишком реалистично, слишком прагматично мыслящих людей на свершающиеся на их глазах гигантские события. Эти люди как будто безоглядно следовали политической конъюнктуре.

«Моей первой реакцией на последний спуск флага СССР с флагштока Кремля была гордость. Мы сыграли свою роль в подготовке благополучного исхода этой великой драмы», – признается генерал Скоукрофт. «Я почувствовал огромный заряд, наблюдая за окончательным распадом Советского Союза. Мне было приятно видеть, как возобладали свобода и самоопределение – по мере того, как республика за республикой заявляли о своей независимости»¹⁰, – вторит ему, вспоминая декабрь 1991 года, его бывший босс. «Новый мировой порядок» устами его незадачливых строителей сам выносил себе смертный приговор. Момент торжества либерального глобализма уходил в вечность.

¹⁰ Буш Дж., Скоукрофт Б. Мир стал другим. – М., 2004. – С. 499, 500.

«Восстановленный миропорядок» – по следам Киссинджера, Меттерниха и царя Хаттусилиса

Первый политологический текст Цымбурского «Эстонские заметки» появился в сборнике «Ожог родного очага», изданном в 1990 году издательством «Прогресс» под редакцией тогдашних соавторов ученого, бывших филологов Гасана Гусейнова и Дениса Драгунского. Побывав в Эстонии в первой половине января 1989 года в числе участников проходившей в Таллине советско-американской встречи по вопросам взаимозависимости, Цымбурский оказался вовлечен в гущу тогдашних дискуссий о «левых» и «правых» стратегиях перестройки, о национальной специфике демократических преобразований и так далее. Филолог, еще только приступавший к политологическим исследованиям, отметил, что риторика эстонских борцов за «демократизацию» с национальным лицом мало чем отличается от аргументов и лозунгов московского националистического общества «Память». Более того, одним и тем же словом «сталинизм» в разных республиках Союза маркируется пренебрежение этническим началом в ходе демократизации и постановка этого начала во главу угла.

«Противопоставление нации как носительницы высших ценностей, органично объединенной со своей землей, безродному пришлому населению, творчески бесплодному во всем его многолюдстве, служит в одной системе ценностным маркером политической “правизны”, воюющей против “безродных космополитов” “сталинизма”, в другой – популяризируется публицистами, провозглашающими неразделимость судеб Эстонии и перестройки»¹¹.

Цымбурский сразу же оценивает поднимающийся на окраинах империи этнический национализм как угрозу, угрозу стабильности и тому миропорядку, который худо-бедно начал выстраиваться в конце 1980-х усилиями двух пошедших на взаимное сближение сверхдержав. Будучи еще вполне лояльным господствующему на тот момент «дискурсу демократии», ученый подчеркивает, что сама эта демократия, успешная в деле социального обновления, в национальных конфликтах «ведет в абсолютную безысходность». И даже более того,

«обуздание конфликтующих национальностей против их воли и без обращения к геноциду не может быть прочным, а это значит, что стандартные процедуры демократии, раздающей всем сестрам по серьгам, большинству – свое, меньшинству – свое, в данной сфере могут дать лишь временное и неудовлетворительное решение»¹².

Справедливости ради надо признать, что одним из таких «временных решений» могла быть испытанная на некоторых западных обществах практика «консоциативной демократии», закрепляющая разные властные институты за представителями разных этнических общин, но в тот момент эти варианты даже не рассматривались «национал-демократами» в Прибалтике и их союзниками в России, которые хотели всего и сразу. Цымбурский же в 1989 году еще несколько наивно призывал к ««аристократизации» национальных отношений», к «отмежеванию» «национальных движений от национализма». Однако уже в конце 1980-х он, размышляя над более фундаментальным вопросом, а какой миропорядок следует

¹¹ Цымбурский В. Л. Эстонские заметки // Ожог родного очага / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. Гусейнова и Д. Драгунского. – М.: Прогресс. – 1990. – С. 132–133.

¹² Цымбурский В. Л. Эстонские заметки... С. 144.

спасать от «беса» этнического национализма, каковы рациональные основы этого порядка, задумывается и над тем, какие действия придется предпринимать тем политикам, которые реально хотят выступить от имени этого миропорядка и в его защиту.

Цымбурский пытается соединить либеральный индивидуализм как первопринцип и конечную цель восстанавливаемого миропорядка с имперской жесткостью, необходимой для его защиты. Чтобы отстоять миропорядок, нужно суметь стать в какой-то степени глухим к продиктованным радикальным морализмом уравнивания требованиям «восстановления попранной справедливости», «отвержения двойных стандартов», «правильного распределения».

Наказание Саддама Хусейна за вторжение в Ирак, осуществленное США и их союзниками, подверглось осуждению левой общественностью, в том числе и как вопиющий пример «двойных стандартов». Критики Джорджа Буша говорили, что, мол, США в то же время спокойно относятся к незаконной оккупации палестинских территорий. Среди знакомых Цымбурского подобную точку зрения отстаивал соредатор «Века XX и мира» Андрей Фадин. Вероятно, именно в полемике с ним Цымбурский бросается обосновывать неустрашимость «двойной морали» для всякого «последовательного, принципиального самоопределения политика» «в ключевых, фундаментальных политических вопросах, связанных с такими категориями, как Революция, Консерватизм и Реформа». Заметка под названием «О двойной морали и принципиальной политике» так и не появилась на страницах «Века XX», журнала, тесным сотрудничеством с которым отмечены для автора «Беса независимости» самые кризисные для миропорядка годы – 1990-1992-й. В архиве Цымбурского, любезно переданном автору этих строк его матерью Аделью Тимофеевной Цымбурской, обнаруживаются всего два листка второго экземпляра машинописной копии этой статьи. Но и из этих фрагментов видна готовность автора подвергнуть ревизии политический статус морали жалости и сострадания, безраздельно определявшей публичное поле в эпоху перестройки. Текст заметки обрывается утверждением:

«Мораль Мира в противостоянии Бунту должна столь же ясно определиться в своей дискриминационной избирательности: охранять и совершенствовать существующий мир – значит, в той или иной форме игнорировать муки и иллюзии сотен миллионов людей, для которых он – окаянная юдоль, место покаяния всех представлений о справедливости».

Отсюда уже могли следовать практические рекомендации последним Хранителям советской империи – не вступать в ненужные споры с прибалтийскими сепаратистами и российскими демократами о сталинской национальной политике, о пакте Молотова – Риббентропа и так далее, не давать им тем самым надежду на то, что их аргументы когда-либо будут услышаны и приняты во внимание.

Цымбурский говорил мне в личной беседе, что в 1989–1991 годах хотел предложить горбачевскому руководству заявить прибалтам:

«Вы должны признать неизбежность нашей власти, как вы признаете неизбежность смерти. Умейте находить нашей власти возможные оправдания, подобно тому, как человек издавна находит разнообразные оправдания смерти».

Любопытно, что в те же годы Цымбурский подготавливает к переизданию роман Брэма Стокера «Дракула», включая в книгу и свою статью «Граф Дракула, философия истории и Зигмунд Фрейд»¹³. В этом очень интересном тексте феномен вампиризма получает объясне-

¹³ *Стокер Б.* Вампир (Граф Дракула). – М.: Фирма «АДА», Центр «Ветераны за мир» Ассоциации ветеранов афганской войны Коми АССР, 1990.

ние как бессознательное психологическое оправдание человеком факта своей смертности, оправдание доводом, что есть состояние после жизни, худшее, чем смерть – вечное существование «неумирающего» вампира. Разнообразные борцы с империями – как советской, так и американской – должны были искать для себя столь же убедительные психологические самооправдания, чтобы принимать чужую и чуждую им, однако неустранимую, власть.

Итак, в национал-демократизме Цымбурский, вполне по константин-леонтьевски, усматривал «орудие всемирного разрушения», разрушения «восстановленного миропорядка». Почти так называется книга, с чтения которой собственно и начинается вторая карьера ученого – карьера политического исследователя. В мемуарном предисловии к сборнику «Конъюнктуры Земли и Времени» «Speak, metogu» он пишет, что его первым увлечением в области если не геополитики, то геостратегии были работы Генри Киссинджера. В частности, его знаменитая диссертация «Восстановленный миропорядок» (*A World Restored*), вышедшая отдельным изданием в 1957 году. Для Киссинджера и, смею думать, в той же степени и для раннего Цымбурского система Меттерниха, заложенная в 1815 году на Венском конгрессе, представляла собой центральную ось всего европейского миропорядка. Киссинджер придает ей гигантское значение в своей истории мировой дипломатии – по его мнению, никогда ранее и никогда позже европейский миропорядок не покоился на более прочном основании. Никогда в истории равновесие сил не было столь уверенно подкреплено ценностным единством участников европейской политической системы, которые в 1815 году усилиями Меттерниха и при благосклонном нейтралитете британского премьера Каслри взяли на себя обязательство совместно противодействовать национальным и демократическим революциям и при необходимости восстанавливать легитимную монархическую власть.

Побежденная Франция, что очень важно для Киссинджера, была не отторгнута творцами Венской системы, но под властью вернувшихся Бурбонов включена в концерт наций как одна из легитимных монархий. Все спорные вопросы получали решение на периодически собиравшихся конгрессах европейских держав. Набиравшая силу Россия была лишена возможности играть на освободительных устремлениях западных славян, будучи связанной по рукам и ногам узами Священного Союза. Аналогичным образом Пруссия не имела возможности оспорить положение Австрии в германской Конфедерации. Призрак очередной большой войны был изгнан из Европы на целое столетие.

Апология Меттерниха в раннем сочинении бросала странный отсвет на деяния самого Киссинджера как политика. Не у одного наблюдателя возникало подозрение, что помощник Никсона по национальной безопасности и впоследствии госсекретарь США стремился воссоздать миропорядок – новый Священный Союз – на столь же консервативной или во всяком случае антидемократической системе ценностей¹⁴. Про Киссинджера так и говорили – это новый Меттерних, то есть враг свободы народов, каким-то чудом оказавшийся у руля старейшей демократии мира. Определенный элемент истины в этих обвинениях был: основную вину за крах столь устойчивой Венской системы Киссинджер возлагал на силу обществен-

¹⁴ Одна из последних по времени попыток такого рода принадлежит американскому историку из Висконсина Джереми Сури. В сочинении 2003 года «Власть и протест. Мировая революция и происхождение детанта» (*Suri J. Power and Protest. Global Revolution and the Rise of Detente. Cambridge and London, 2003*) автор попытался представить «разрядку» 1970-х, творцом которой с американской стороны был именно Киссинджер, как консервативный стговор лидеров мировых держав против собственных народов. По мнению Сури, целью детанта 70-х было вовсе не снижение напряженности в международных делах, а сдерживание протестных антиавторитарных сил внутри каждой из стран. После неожиданного отклика самого Киссинджера на его книгу Сури, завязав личные взаимоотношения с бывшим госсекретарем, начал работу над его биографией, которая вышла в свет в 2007 году. Сури не отказался от характеристики Киссинджера как скрытого противника демократии и консерватора, но теперь он более благожелательно оценивал многие его поступки на дипломатическом поприще, объясняя их характерной для беженца из гитлеровской Германии неприязнью ко всякой политической (и чаще всего националистической) мобилизации масс (*Suri J. Henry Kissinger and the American Century. Harvard University Press, 2007*).

ного мнения, заразившего правящий класс Франции, Пруссии и России националистическими настроениями. Однако от прямых аналогий между усилиями Меттерниха и собственной деятельностью на рубеже 1960-х и 1970-х годов Киссинджер неизменно отмежевывался.

И вовсе не по причине политической сомнительности и неуместности таких аналогий. Киссинджер считал, что у лидера демократического лагеря – Соединенных Штатов Америки – отсутствовало устойчивое ценностное единство с другими важнейшими игроками на международной сцене, в первую очередь с Китаем и Советским Союзом. Поэтому себя самого в качестве творца «разрядки» он рассматривал скорее не как нового Меттерниха, но как человека, вынужденного играть роль Бисмарка. В отличие от Меттерниха Бисмарк в своих отношениях с Австрией и Россией полагался не столько на ценностное единство (которое к моменту заключения «Союза трех императоров» если и не было растрчено полностью, то представлялось крайне эфемерным), сколько на систему перекрещивавшихся союзов. Договоренности с Австрией о возможной балканской экспансии России перекрывались договоренностями с Россией о предотвращении вероятного антирусского союза Вены с Лондоном. Согласно самому Киссинджеру, в основе никсоновской разрядки лежало аналогичное стремление не допустить сближения Китая и СССР за счет перекрещивающихся договоренностей с обеими коммунистическими державами. Иными словами, никакого ценностного сближения все эти ходы в стиле бисмарковского Realpolitik не предполагали.

Отсутствие общей морально-политической рамки являлось «ахиллесовой пятой» миропорядка времен «разрядки». Однако, с точки зрения Киссинджера, и горбачевская деконструкция коммунистического фасада советской империи не заложила предпосылок для воссоздания Венской системы на новой ценностной – уже предположительно демократической – основе.

«Можно только надеяться, – сокрушался бывший госсекретарь уже после распада СССР и провала бушевской попытки «нового мирового порядка», – что появится нечто подобное системе Меттерниха, где равновесие сил подкреплялось бы общностью ценностей. А в современную эпоху эти ценности обязаны быть демократическими»¹⁵.

Отношения Киссинджера со старшим Бушем с давнего времени были устойчиво плохими, именно Джордж Буш как глава Центрального разведывательного управления в период президентства Форда привлек под свое крыло команду Ричарда Пайпса для создания так называемой команды «В» ради переоценки советской военной угрозы и, в конечном счете, с целью торпедирования процесса «разрядки». С поста помощника президента по национальной безопасности Киссинджера вытеснил в 1974 году его бывший заместитель Brent Скоукрофт, который вернулся на ту же должность в 1989 году, после прихода в Белый дом Джорджа Буша. Скоукрофт стал не только главным идеологом внешнеполитического курса 41-го президента Соединенных Штатов, но и его личным другом и, как мы уже писали, соавтором. В своей фундаментальной «Дипломатии» Киссинджер уделяет правлению Буша лишь незначительное внимание. Под его пером бывший глава ЦРУ и обитатель Белого дома предстает политиком, сформированным эпохой холодной войны, «во время которой он достиг видного общественного положения и завершением которой обстоятельства вынудили его руководить на самой вершине карьеры»¹⁶.

Трудно сказать, насколько удачно или неудачно руководил Буш этим завершением, понятно одно – Киссинджер никогда бы не одобрил лелеемый либеральным горбачевским окружением и развиваемый, в частности Цымбурским, проект включения либераль-

¹⁵ Киссинджер Г. Дипломатия. – М.: Ладомир, 1997. – С. 761.

¹⁶ Киссинджер Г. Дипломатия. С. 156.

ной советской империи в евро-атлантический порядок в качестве органического компонента системы так называемого Демократического Севера. Иными словами, он никогда бы не соотнес «мальтийскую» систему – систему взаимопризнания двух либеральных империй СССР и США (при очевидном главенстве последней) – со столь любезной его сердцу Венской системой Меттерниха. Далеко не случайно после распада СССР Киссинджер стал активным противником включения России в НАТО и другие евро-атлантические структуры и столь же не случайно, что именно помощник Никсона и Форда стал одним из немногих западных политических тяжеловесов, который смог наладить после 2003 года вполне конструктивное взаимодействие с Владимиром Путиным.

Апологету Меттерниха, произведениями которого не без основания мог вдохновляться Цымбурский как сторонник «восстановленного миропорядка» Буша – Горбачева, была совершенно не нужна Россия, ценностно интегрированная в евро-атлантический миропорядок. Такая Россия неизбежно разрушала бы тот геополитический треугольник Россия – США – Китай, который, согласно наиболее влиятельному американскому дипломату современности, и составлял основу «равновесия сил» в Евразии. России (а тем более Советскому Союзу), которая решила бы стать верным союзником Вашингтона, пришлось бы давать от имени США и всего евро-атлантического сообщества стратегические гарантии против Пекина. Тем самым подрывалась бы фундаментальная для всей капиталистической миросистемы второй половины XX – начала XXI столетия геополитическая и вместе с тем геоэкономическая связка постиндустриальных США и индустриализирующегося Китая, связка, не имевшая при этом ровно никаких ценностных оснований и которая сама по себе являлась и остается сильнейшим вызовом всем вильсоновским представлениям о мировой системе. Стремление Цымбурского (и, как он надеялся, одновременно Горбачева и Буша-старшего) утвердить новый Священный Союз на базе либеральных норм в противовес националистическому «бесу независимости», парадом самопровозглашенных суверенитетов подрывающему единство Демократического Севера, вступало в противоречие с усилиями бывшего госсекретаря предохранить от распада установившийся в годы холодной войны альянс Вашингтона и Пекина. И с точки зрения актуальности этой последней задачи даже вполне умеренная программа президента Буша и его советника Скоукрофта по строительству «нового мирового порядка» выглядела немного романтично и вильсоновски.

Однако система Меттерниха в изложении Киссинджера была не единственным образцом миропорядка, на который ориентировался будущий автор «Острова Россия». Первым таким «глобальным» порядком, открытым им в глубине времен, судьбу которого Цымбурский соотнес с судьбой постялтинского мира, был миропорядок, возведенный тремя крупнейшими державами Древнего мира, мира XIII века до н. э. – микенской Грецией, Аххиявой, малоазийской державой хеттов и Египтом Рамзесидов. В личной беседе со мной, а также в видеоинтервью, данном Владимиру Файеру в 2008 году, Цымбурский сам признавал, что именно средиземноморский миропорядок II тысячелетия до н. э. послужил для него своего рода первообразом «нового мирового порядка», возникшего на руинах Берлинской стены. Более того, в статье 1993 года «Идея суверенитета в посттоталитарном контексте», которая в определенной степени венчает собой серию его либерально-имперской публицистики, Цымбурский обращал внимание на протолиберальный характер микено-хетто-египетской миросистемы XIII столетия и возникновение здесь впервые в истории «иммунитета личности относительно воли режима».

«В начале XIII века до н. э. – писал Цымбурский, – два крупнейших государства Переднего Востока, Египет и Хеттское царство, после долгой борьбы за Сирию удостоверились во взаимной неспособности добиться победы. В результате войны в спорном регионе возникла анархия, против Египта выступили племена Палестины, хетты потеряли контроль над

частью Малой Азии, а кроме того окрепла грозная третья сила – Ассирия, претендующая на ревизию всей региональной геополитической системы. И тогда фараон Рамзес II и хеттский царь Хаттусилис III нашли блестящий выход из положения: они провозгласили союз настолько тесный (к тому же скрепленный браком фараона с дочерью Хаттусилиса), при котором спор о размежевании сфер влияния стал неактуальным. Рамзес с восторгом изображал в одной из своих надписей, как на изумление миру египтяне и хетты стали словно одним народом. При этом договор о союзе сопровождала поразительная приписка: после обычных для соглашений такого рода на древнем Востоке обязательств выдавать перебежчиков, которые пытались бы от одного царя перейти к другому, заявлялось, что царь, получивший беглеца обратно, не должен его ни казнить, ни увечить, ни конфисковать его имущество, ни преследовать его самого или его семью каким-либо иным способом. Царь-суверен не мог по своей воле расправляться с подданным, безопасность которого становилась гарантией добрых отношений между державами, нуждающимися в таких отношениях для охранения международного порядка от хаоса и притязаний новых претендентов на гегемонию»¹⁷.

Учитывая, что примерно в то же время было установлено перемирие с царем Аххиявы, то есть ахейской Греции, причем отношения между державами стали настолько близкими, что родственники царя Аххиявы приезжали в страну Хатти учиться управлять колесницами, то знатоку II тысячелетия до н. э. позволительно было увидеть в царя Хаттусилисе своего рода Меттерниха древнейшей истории.

И ровно так же, как это произошло с системой Меттерниха, система царя Хаттусилиса не выдержала давления извне, со стороны собственной периферии. Надломанная под ударами «народов моря», иллирийских и фракийских племен, наводнивших с севера Балканский полуостров, Аххиява сама превратилась во «внешний пролетариат» для Египта и Хеттской державы, слившись с варварскими народами в их экспансии в южную и восточную часть Средиземноморья. **Это бегство ахейцев в дальние края предстает в греческом эпосе моментом их величайшего триумфа: взятия Трои.** Однако, по мнению Цымбурского и его соавтора по исследованию источников гомеровского эпоса Леонида Гиндина, победа над троянцами – не «столько вершина микенского могущества и благополучия <...>, сколько начало конца греческого века, зыбкая грань между внезапной консолидацией ахейского сообщества и его сокрушительным распадом»¹⁸.

Связь между филологическими исследованиями ученого и его геополитическими размышлениями простирается на самом деле гораздо глубже поверхностных аналогий. Историко-филологическая концепция Цымбурского, изложенная им в совместной с Л. А. Гиндиным книге «Гомер и история Восточного Средиземноморья», вышедшей в свет в 1996 году, покоится на предположении, что гомеровский эпос повествует не о звездном часе древней микенской цивилизации, а о времени ее надлома. «Илиада» – поэма не только о гибели Трои, но и о гибели ахейской Греции, обреченной богами пасть под ударами захватчиков. Победа над Троей выкуплена у богов ценой уничтожения самой греческой цивилизации. Согласно такой трактовке историческая основа Троянской войны – бегство ахейцев из разоренной северными варварами материковой Греции. Величественная победа Ахилла над его основным соперником – прообраз его собственной гибели, **предполагаемое, но не описан-**

¹⁷ См.: Цымбурский В. Л. Идея суверенитета в посттоталитарном контексте // Полис. – 1993. – № 1. – С. 19.

¹⁸ Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. – М., 1996. – С. 171.

ное в самой поэме торжество ахейцев – лишь свидетельство уже начавшейся фрагментации и распада их собственной цивилизации.

«Гибель Илиона, исчерпав задачу, во имя которой ахейцы в последний раз и в небывалом числе сплотились вокруг царя Микен, знаменует фактический конец этого единения, распад ахейского сообщества на массу автономных групп, а поход микенского царя оборачивается уже никем не контролируемой миграцией, разбрасывающей греков по всем концам Средиземноморья, когда каждая группа, захваченная этим движением, в одиночку борется сама за себя, за свое выживание и успех»¹⁹.

Цымбурский сам впоследствии признавал, что варваризация СССР произвела на проект Демократического Севера столь же необратимый эффект, как некогда гибель Аххиявы под нашествием варваров Севера обрекла на хаотизацию весь мир Восточного Средиземноморья, еще недавно достигший успокоения за счет непродолжительной «разрядки» в стратегическом треугольнике: Аххиява – Хеттское царство – Египет. Выпадение одного звена из этой системы приводило всю систему в негодность. Сумевший отбиться от двух атак «народов моря» Египет не смог в одиночку удерживать средиземноморский миропорядок, как и сегодня Америка оказывается не способной одна контролировать весь мир. Как писал Глеб Павловский,

«подтопленная с восточного борта ялтинско-потсдамская система перекошена, перенапряжена и дала крен. С нее то и дело что-то сваливается и тонет. Америка дошла до упора в освоении ресурсов советской зоны глобального влияния, которые она заполняет, как вода трюмы “Титаника”»²⁰.

Цымбурский завершал свое интервью Владимиру Файеру пожеланием, чтобы нынешний крах глобальной системы привел к появлению чего-то столь же величественного, как Троянский эпос. Вероятно, и книга Цымбурского – Гиндина останется в памяти в качестве не только выдающегося исторического исследования, но и драматического свидетельства того величайшего геополитического оползня, который сокрушил вначале Советский Союз, а затем и глобальный евро-атлантический миропорядок.

Между тем Цымбурский сделал из собственной реконструкции исторической канвы «Илиады» еще один очень существенный вывод: обозначил и постулировал парадоксальную связь «триумфа» и «распада», которая, как он считал, не только заложена в основу европейской поэтической традиции благодаря троянскому эпосу, но и составляет глубинный смысл всей средиземноморской культуры. К этой связке «поражения» и «победы», по каким-то причинам чрезвычайно значимой лично для автора «Острова Россия», нам еще предстоит вернуться.

¹⁹ Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. – М., 1996. – С. 180. Популярное изложение этой книги см.: Нуделишан Р. Загадки, тайны и коды человеческой истории. – Ростов на Дону, 2006. – С. 175–269.

²⁰ Павловский Г. О. Транзит в неизвестное // Эксперт. – 2006. – № 36.

Когнитивные аспекты советской реформации

Политические воззрения периода последних лет горбачевской «перестройки» Цымбурский выразил в серии статей, написанных для журнала «Век XX и мир». В числе заместителей главного редактора журнала с 1989 года был советский диссидент, один из лидеров движения неформалов и впоследствии генеральный директор агентства «Постфактум» Глеб Павловский. Имперско-либеральная линия, которая в определенной мере стала проявляться в издании с середины 1990 года, в первую очередь была связана с его личным влиянием. Цымбурского как автора в журнал привел знакомый Павловского, филолог, специалист по древнегреческой литературе и мифологии Гасан Гусейнов. В соавторстве с Гусейновым и другим классическим филологом по образованию Денисом Драгунским Цымбурский опубликовал в журнале с 1989 по 1991 год четыре статьи. Наиболее заметной из них был текст, вышедший в августовской книжке этого ежемесячника под броским заголовком «Империя – это люди».

Авторы решились бросить вызов распространенным в тот момент в демократических кругах представлениям о реакционности империи, заявив, что

«Запад <...> должен сохранить империю – Россию народов», пока она не успела превратиться в политический Чернобыль, угрожающий всему постимперскому миру»²¹. Запад, настаивали авторы, обязан протянуть руку горбачевскому СССР, чтобы не допустить хаоса, взрыва национализма и трайбализма на всем пространстве тогда еще существовавшего, хотя и дышавшего на ладан СССР.

Наиболее интересным моментом этого цикла статей было выдвинутое авторами определение «империи», суть которого можно свести к формуле, по правде говоря, более звучной, чем внятной – *«нормы выше ценностей»*. Основной принцип империи, заявленный тремя либеральными публицистами, – «это общность определенных норм, стоящая выше многообразия сепаратных ценностей и обеспеченная военной, экономической и иными силами». Различие между «нормами» и «ценностями», которое остается, увы, в статьях из «Века XX» совершенно не раскрытым, получает разъяснение в социологии Толкотта Парсонса, которой тогда увлекался Цымбурский. Согласно Парсонсу, «ценности» располагаются на пересечении культурной и социальной подсистем общества, тогда как «нормы» всецело принадлежат сфере «социальности». Проще говоря, «нормы» служат исключительно интеграции индивидов в рамках того или иного общества, тогда как, ориентируясь на «ценности», индивид или группа индивидов может бросить этому обществу вызов от имени неких высших, превосходящих значимость самого этого общества идеалов. Но поэтому, с точки зрения Парсонса, не только «империя», а фактически любое претендующее на устойчивость общество так или иначе вынуждено подчинять «сепаратные ценности» «общезначимым нормам» либо обосновывать эти «нормы» некими высшими и популярными «ценностями».

Очевидно, что в предложенной авторами формулировке нет никакого определения «империи», но есть явное стремление оправдать целостность государства, оставаясь в западной, принципиально секулярной идейной традиции. Традиции, которая всегда указывала на «законность» и «право» как на некие если не более фундаментальные, то более современные и прогрессивные принципы общежития, нежели религиозные нормы и даже нравственные максимы. Не случайно авторы в откровенной полемике с современными им

²¹ См.: Гусейнов Г., Драгунский Д., Цымбурский В. Империя – это люди // Век XX и мир. – 1990. – № 8; <http://old.russ.ru/antolog/vek/1990/8/dragun.htm>.

демократическими публицистами (своего рода идейной предтечей которых выступает в одной из статей диссидент Андрей Амальрик, предсказавший неминуемый распад СССР еще в конце 1960-х) избирают в качестве эталона империи исключительно Рим, а также колониальные европейские империи Нового времени, забывая и про Византию, и про арабский Халифат, и про империю Карла Великого: каждая из этих империй явно не отличалась индифферентностью в отношении «своих» и «чужих» «ценностей».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.